

ГОСПОДА АРТИСТЫ

Лариса
Малеванная:

Я не думаю о завтрашнем дне

**Актриса БДТ
Лариса
Малеванная
предыдущую
роль
сыграла
четыре
года назад
— в
спектакле
Андрея
Максимова
“Последние”**

(и тот сейчас уже сошел с репертуара). Доигрывает в “мемориальном” товстоноговском “Дяде Ване”. В общем, явно не востребована в своем театре. Недавно на сцене Театра имени Комиссаржевской состоялась премьера спектакля “Мизери” с участием Малеванной: спектакль вышел под грифом “Антреприза “Аполлон” — ее организовал актер “Комиссаржевки” Борис Соколов — к слову сказать, весьма активно занятый в репертуаре своего театра...

— С чего же началась история работы над “Мизери”, чья была идея?

— Идея была режиссера Валерия Гришко: он видел спектакль по этой пьесе в Гамбурге, она его заинтересовала, он разыскал ее и сам перевел. А моя работа началась с того, что позвонил Борис Соколов и предложил роль. Борис — мой давний партнер еще по Театру Ленинского комсомола. Мы давно не виделись, и то, что он вспомнил обо мне, — это так важно для меня... Для любого актера нет ничего важнее новой работы. Если нет ролей — нет и актера; появилась у меня роль — я снова актриса.

— За столько лет никто из многочисленных режиссеров, сменяющих друг друга в Большом драматическом, так и не обращал на вас внимания?

— Знаете, тут, вероятно, нужно самой проявлять инициативу. Мне это очень трудно. Хотя без этого нет нашей профессии — нравиться режиссеру. Мы слишком зависимы, тут уже не до гордыни.

— А когда много лет назад вы пришли в БДТ к Товстоногову — это была ваша инициатива или вы ему понравились?

— Видимо, понравилась... Впервые он позвонил, когда я еще работала в Театре имени Ленсовета. Я пришла к нему на

разговор, объяснилась, сказала, что его театр — мой самый любимый, что мечтала бы у него работать, но ситуация складывается так, что режиссеру Геннадию Опоркову — моему тогдашнему мужу — дают “Ленком”, и если я с ним вместе пойду, то это только укрепит его театр... В общем, с извинениями отказалась. Товстоногов вышел из кабинета, не поверив, что такое вообще может быть: он приглашает, а актриса отказывается! А уже несколько лет спустя мне снова позвонил его директор и повторил предложение.

— Георгий Александрович любил коллекционировать артистов, что называется, “про запас”. Увлекался кем-то, а потом забывал о них.

— Конечно, конечно. Так и со мной было, и со многими. С актрисами особенно. Ведь основной костяк товстоноговской труппы составляли мужчины. Когда я перешла в БДТ, прекрасные актрисы театра мне говорили: “Не обольщайся. Театр у нас мужской”. И они были правы.

— Вы пошли в педагогику от актерской невостребованности?

— Да, конечно. Рубен Агамirian предложил набрать курс. Мне даже было обидно — на мне как на актрисе ставят крест? “Ну а вы все-таки подумайте, — говорил он, — посоветуйтесь...” Все в один голос —

в том числе и Товстоногов — мне сказали, что нужно идти преподавать. Но это было очень тяжело.

— Что для вас было самое тяжелое?

— То, что нужно было учиться самой.

— Учиться тому, как учить?

— Да. Я ходила на занятия профессоров — моего педагога Аркадия Иосифовича Кацмана, бывшего однокурсника Исаака Штокбанта, открывала заново какие-то книги — и Станиславского, и Мейерхольда, и Михаила Чехова. И бессонные ночи, и сомнения... Педагоги в нашем институте — все с опытом, и тут приходит новичок, человек со стороны... Преподают ведь у нас в институте люди, которые сами не играют. Отношение у них к практикам такое: мол, учить им не надо, это не их дело. И вот сразу видно, неопытная: набрала не то. Я обижалась, ведь я так старательно выбирала...

Однако позже я поняла, что должна была набрать именно такой курс. Всегда мы бываем недовольны либо начальством, либо подчиненными, либо друзьями, не понимая простой вещи: все, что с нами происходит, все события нашей внешней жизни — это точное отражение того, что у нас внутри. И набранный мною курс точно отражал меня, мое внутреннее состояние на тот момент. Из 25 студентов 22 были из неблагополучных семей. Я не выясняла, кто из них откуда, а позже обнаружилось, что большинство ребят — провинциалы, как и я. Опаленные неурядицами, на экзаменах они были более яркими, более темпераментными, быть может, неуклюжими, но более интересными, чем скромные ленинградские дети.

Если бы я сейчас набирала, набрала бы прежде всего более интеллигентных ребят, потому что за четыре года обучения обтесать очень трудно тех, кто в общем-то до семнадцати, до двадцати лет пребывал в состоянии дремучем. Как, допустим, обтесывали меня мои педагоги — как это было трудно!

— То есть вы сейчас отобра-

ли бы более интеллигентных — в ущерб таланту?

— Сейчас — да. Потому что, когда в актерах это всеобщее хамство и свинство проявляется, — смотреть невыносимо. Я как раз очень дорожу теми из моих друзей, из коллег, из учеников, кто в любой тяжелой ситуации сохраняет достоинство.

— Вы следите за их работой теперь, когда ваша студия уже распалась?

— Отдаленно. Особой дружбы у меня с большинством ребят как-то не получилось.

— Тем не менее вы рискнули, выпустив курс, создать на его основе театр?

— Это не я рискнула, это они рискнули! Они из меня душу вытрясли. Они так хотели, чтобы у них был свой театр. Для меня это было совершенно лишним. Бегать по инстанциям, включаться в студийное движение, где меня лягали все кто мог... Вы не представляете, сколько раз я утирала лицо, в которое плевали все кому не лень. И это все для чадушек моих дорогих, чтобы их как-то оберечь, чтобы им создать... И ребята старались вначале. Первые успехи в Болгарии, в Югославии окрыляли; казалось, все вот-вот у них будет — Гамлет, Офелия, блеск и слава. Работали, терпели, потом надоело терпеть и ждать. Стали уходить. Искать, где лучше. Приходили другие — тоже искали, где лучше. А лучше не было нигде. Кто-то менял профессию...

— Театр получил помещение на Васильевском острове, но уже много лет там идет нескончаемый ремонт — и творческая жизнь, судя по всему, угасла?

— Там не нескончаемый ремонт, а нескончаемая бодяга по поводу ремонта. Проверки, согласования, комиссии, тягбы... Уже давно найден инвестор, который тоже начинает терять терпение. У меня пропало желание заниматься этой мутью, терять сознание в присутственных местах: я поняла, что больше не имею права тратить на это свои силы и свои способности. В конце концов с меня спросится: тебе было многое дано, а на что ты себя тратила? Бегала по кан-

целяриям, оформляла бумаги? Плохо ты распорядилась...

Я ребятам предложила еще два года назад разойтись до завершения ремонта. Мы делаем спектакли, которые прекрасно принимают на фестивалях в других городах, а в родном городе играем их от случая к случаю: негде! Аренда чужих площадок высока... А зарплата, налоги, а содержание здания? Ни город, ни район не дают ни копейки. Спектакли гибнут, едва родившись. Знаете: родился ребенок — ему нужны витамины, внимание, уход, если ничего этого нет, он умирает. Зачем же рожать детей, которые будут умирать? Спектакль нужно развивать, нужно прокатывать, а если он идет раз в два месяца, раз в три месяца — он гибнет.

Но ребята со мной не согласились. И я отошла от театра. “Штурвал” взял в свои руки Олег Пальмов, директор. На базе театра был задуман культурно-просветительский центр, и директор с группой помощников пытается завершить начатое; восстановили детский спектакль, сделали кукольный концерт, в здании на Среднем проходят выставки, музыкальные вечера... Правильно: должна теплиться жизнь. Двух актеров я пригласила в мой спектакль “Бенгальские огни” в БДТ.

Очень активно участвовал в создании будущего центра прекрасный молодой пианист Вадим Пальмов, но он недавно уехал с семьей в Германию. Навсегда. Надоела нищета.

— Если все сложится благополучно, здание достроится, театр откроется, вы вернетесь?

— Не знаю. Я не думаю о завтрашнем дне.

— Премьера “Мизери” сыграла. Не сложится ли судьба спектакля так же, как работы вашей студии, — что он будет играть один раз в два-три месяца?

— Все может быть, но у меня опыта побольше, чем у моих ребят. Если будет перерыв в два месяца — это не страшно. И полгода перерыв — не страшно. А Борис Соколов что-то планирует, будут гастроли в Красноярск, потом еще куда-то...

Леонид ПОПОВ

Малеванная Лариса
(интервью)

25.9.98.

4/12